

ставляющие собой стоимость известного участка земли, уступленного когда-то собственником арендатору (что было совершенно неверно), а потому должны были выплачиваться сполна, пока они не будут выкуплены.

Смешивая в одно повинности *личные* (вытекавшие из крепостного права) и повинности *земельные* (вытекавшие из аренды), этот декрет отменял, в сущности, постановление 4 августа 1789 г., в силу которого уничтожились все *личные* повинности. С декретом 15 марта 1790 г. эти повинности возродились под видом обязательств, связанных с владением землей. На это очень справедливо указал уже Кутон в докладе, прочитанном в Собрании 29 февраля 1792 г.

Только 14 июня 1792 г., т. е. незадолго до 20 июня, когда нужно было снискать расположение народа, левая сторона, и только воспользовавшись случайным отсутствием нескольких членов правой, провела *отмену без выкупа* некоторых личных феодальных прав, а именно всех единовременных платежей (*casuels*), взимавшихся помещиком при получении крестьянином наследства, или свадьбе, а также за виноградный пресс, за мельницу, общую печь и т. д., которые мог держать только помещик.

Итак, после *трех лет революции* добиться от Собрания отмены этих возмутительных платежей удалось только ловким маневром!

Впрочем, единовременные платежи не уничтожались окончательно даже этим декретом, так как в некоторых случаях их все-таки нужно было выкупать; но оставим это.

Что же касается *годовых* платежей натурой: чинша, цензивы, шампара, - которые крестьянам приходилось вносить помимо земельной ренты и которые также являлись остатками личной зависимости от помещика, то они оставались в полной силе.

Но вот народ пошел на Тюильри; король низложен и взят в плен революционной Коммуной. И как только весть об этом разносится по деревням, в Собрание стекаются со всех сторон прошения от крестьян, требующих полной отмены феодальных прав.

Тогда - это было незадолго до 2 сентября, и отношение парижского народа к буржуазным законодателям было довольно угрожающее - Собрание решилось сделать еще несколько шагов вперед, проведя декреты 16–25 августа 1792 г.

Этими декретами всякие преследования за неплатеж феодальных повинностей приостанавливались; это было уже некоторое приобретение.

Все феодальные и помещичьи платежи, если они не представляли собой уплаты за состоявшуюся когда-нибудь уступку земельного участка, отменялись без выкупа.

Кроме того, декретом 20 августа *разрешалось* в случае перехода земли к новому собственнику выкупать порознь единовременные или годовые платежи, если они платились за пользование *землей*.

Отмена преследований за неплатеж была, несомненно, крупным шагом вперед. Но феодальные, повинности все еще продолжали существовать. По-прежнему их приходилось выкупать; одно только сделал новый закон: он вносил лишнюю путаницу, так что теперь легче было ничего не платить и ничего не выкупать. Крестьяне, разумеется, не замедлили так и сделать в ожидании какой-нибудь новой победы народа и новых уступок со стороны правителей.

Вместе с тем были отменены без вознаграждения все церковные десятины, а также барщины, унаследованные от «права мертвой руки». Это был уже шаг вперед; если Собрание покровительствовало помещикам и буржуазным владельцам, приобретавшим землю, то по крайней мере духовенство, с тех пор как исчез защищавший его король, было предоставлено своей собственной судьбе.

Но вместе с тем Собрание провело такую меру, которая, если бы только она была приложена на практике, сразу восстановила бы против республики всю крестьянскую Францию. Законодательное собрание отменило круговую поруку в платежах, существовавшую в крестьянских общинах, и вместе с тем предписало, по предложению Франсуа де Нёшато, *раздел общинных земель между гражданами*. Но, по-видимому, к этому декрету, составленному очень неопределенно, в нескольких строках и похожему скорее на принципиальную декларацию, чем на декрет, никто не отнесся серьезно. Его применение натолкнулось бы, впрочем, на такие препятствия, что он неизбежно остался бы мертвой буквой. А когда этот вопрос был снова внесен на обсуждение, существование Законодательного собрания уже приходило к концу и оно разошлось, не придя ни к какому решению.

Что касается имуществ эмигрантов, то их предписано было распродать *мелкими участками*, в два, три, самое большее - четыре арпана¹. Продажа эта должна была производиться в виде денежной

---

¹ Arpent — парижская мера, равная около 1/3 десятины. В других местах — до полдесятины.